

18+

Вероника Ткачёва

ДВОЙНИКИ

Серия "Лунный ветер"

Вероника Ткачёва

Двойники. Серия «Лунный ветер»

«Издательские решения»

Ткачёва В.

Двойники. Серия «Лунный ветер» / В. Ткачёва — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-936421-0

«Двойники» — книга из серии «Лунный ветер». Жанр книги так сразу и не определишь: её герои — обычные люди, они не предвидят событий будущего, не читают чужих мыслей, не лечат наложением рук. Но с ними происходит нечто, выходящее за рамки повседневности. Такое может произойти с каждым. Возможно — и с вами. Нужно только всмотреться внимательнее, чтобы увидеть невидимое, ощутить эфемерное. Быть может, эта книга — ваш пропуск в мир необычного?..

ISBN 978-5-44-936421-0

© Ткачёва В.
© Издательские решения

Содержание

Двойники	6
Половинки	15
Забывтый чемодан	20
Маленькая дверца	29
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Двойники

Серия «Лунный ветер»

Вероника Ткачёва

Редактор Любовь Бросалина

© Вероника Ткачёва, 2019

ISBN 978-5-4493-6421-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Двойники

Володя застрял в амстердамском аэропорту между стыковками. Он летел из Москвы на Кубу, куда ему удалось взять недорогой тур. Прямой рейс был дороже, поэтому Володя летел чартерами со стыковкой в Схипхале. Его рейс задерживался на неопределённое время. Шенгенской визы у Володи не было, поэтому выйти в город он не мог, да у него и не было особенного желания сделать это.

Володя, молодой человек лет двадцати восьми, относился к породе патологических неудачников. Если за большим праздничным столом кто-нибудь проливал вино, сок или какую иную жидкость, то основной удар обязательно приходился на Володину одежду. Если что-то должно было сломаться, то почему-то всегда именно в его руках. Такси никогда не останавливалось рядом с ним. Володя никогда не ездил без билета, так как знал, что контролёр обязательно войдёт его в автобус, троллейбус или вагон электрички и никогда не отпустит его, делая скидку на молодые года, а оштрафует по полной программе. В институте Володе всегда доставались самые несчастливые билеты. Он никогда не выигрывал ни в одну игру, где была бы нужна удача. Короче, Володя был законченным неудачником.

Ещё в детском саду маленький Вова начал догадываться об этой своей особенности. На эту мысль его натолкнуло одно событие. Как-то на новогоднем празднике ему не досталась подарка. Воспитатели были крайне удивлены такой недостаточей. За всю двадцатилетнюю историю детского сада подобное случилось впервые. Всё как всегда было чётко посчитано, деньги с родителей аккуратно собраны, подарки закуплены строго по накладной, но факт оставался фактом – подарка маленькому Вове не хватило.

Этот случай словно открыл в его сознании какие-то шлюзы, через которые нахлынули на маленького Вову первые взрослые мысли. Именно тогда Вова в первый раз серьёзно задумался о своей тяжёлой судьбе. Он припомнил недавний случай с грузовичком, который ему подарил дядя Жора. Новый грузовичок оказался сломанным. Буквально через несколько минут весёлого катания и тарактения губами, которое должно было изображать работу мотора, заднее колесо у красивой яркой машинки отвалилось. Честное слово, Вова не был в этом виноват. Но взрослым никогда ничего невозможно объяснить. Так было жаль нового нарядного грузовичка! Но к разочарованию прибавилась обида – мама ещё и отругала сына. Сказала, что раз Вова не умеет бережно обращаться с вещами, то ему бесполезно что-то покупать. И пусть он играет со старыми сломанными игрушками, пока не научится аккуратности. Вова потихоньку, когда никто не видел, даже поплакал над своей горькой судьбой.

Вова вспомнил ещё несколько несчастливых случаев из своей жизни. Вот буквально дня три назад в живом уголке детского сада его друг Даня пытался руками выловить из аквариума золотую рыбку, но не удержался на табуретке и опрокинул аквариум со всем его подводным миром на пол. Вся вода почему-то вылилась на Вову. Но Вову это не остановило, и он самоотверженно спасал золотую рыбку. На шум прибежали воспитатели. И застали мокрого Вову с бьющейся золотой рыбкой в руках. Рядом стоял почти сухой Даня, который предусмотрительно спрятал намоченную руку за спину. Что могли подумать воспитатели? Естественно, что во всём виноват Вова. Что это именно он незаконно полез в аквариум, хотя всем детям в саду известно, что этого делать категорически нельзя. И что именно он, Вова, в конце концов, из-за своего такого безобразного поведения опрокинул аквариум.

Конечно, Вова в чём-то действительно был виноват. По законам взрослых, он не имел права просто стоять и смотреть, как Даня вылавливает рыбку, а должен был остановить его. А если не получится, то немедленно позвать кого-то из взрослых. Но по неписанным законам детского коллектива позвать взрослых в этой ситуации было бы ябедничеством. А Вова нико-

гда не был ябедой. Это же ужасный позор! Вон Ленка: такая ябеда, что тошно делается. Чуть что: «Эмма Семёновна, а они там...» Тьфу, даже вспоминать противно.

Короче, попало тогда в основном Вова. Никому из взрослых даже в голову не пришло, что Вова мог и не ронять аквариум. А поскольку Вова – не ябеда, то он героически молчал о своей, можно сказать, невинности. Странно, почему лучший друг Данька молчал тоже, когда Вову ругали? Но гнев воспитателей был так страшен! Эмма Семёновна стала красной до невозможности, а кричала так... Вова отродясь такого крика не слышал. Вечером Эмма Семёновна на пару с директрисой нажаловались Вовиной маме, и дома ему тоже досталось... Вова даже вздохнул от таких воспоминаний.

Мальчику припомнилась ещё масса мелких неприятных случаев из его жизни: то самые вкусные конфеты на Светкином дне рождения закончились именно на нём, то мандарин на полднике с гнилым боком достался, то на праздник он заболел ангиной... Вова снова тяжело вздохнул.

После случая с новогодним подарком и последующим за ним озарением Вова стал очень внимательно наблюдать за своей жизнью. Каждый день приносил новые подтверждения его догадке – он, Вова, родился на редкость неудачливым. Именно от встречи с ним предметы приходили в негодность, именно с ним случались самые невероятные неожиданности и недоумения, именно ему всегда за всё попадало.

Со временем Вова стал учиться преодолевать своё фатальное невезение. Вернее не преодолевать, а пытаться обмануть свою неудачливость. Это невезение ему стало представляться в виде чего-то одушевлённого, какого-то существа вроде бездомной шелудивой кусачей собаки, которая привязалось к нему и никак не хочет отстать.

Поначалу Вовины действия были простыми. Он никогда не участвовал в порицаемых взрослыми играх: не жёг костры, не играл в мяч, дабы не разбить стёкол, не убегал на недозволённое расстояние от дома. Уже пойдя в школу, он всегда учил уроки, так как знал, что стоит хоть что-то не выучить, и он будет немедленно именно по этому предмету вызван к доске.

Вова научился чинить, зашивать, убирать. Он всегда ездил с билетом, выходил из дому заранее, учитывая непредвиденные случаи, такие, как поломка автобуса, отключение электричества, парализующее движение трамваев, троллейбусов и лифтов... да мало ли что.

Таким примерным поведением Вова, казалось, снивелировал свою фатальную неудачливость, но лишь внешне. В глубине души Вова прекрасно знал, что эта бездомная собака по имени Вечная Невезуха только лишь дремлет на коврик у его кровати, но никуда не ушла. Её присутствие всегда ощущалось по массе мелких примет, которые не были заметны чужому взгляду, но Вова-то знал, что они значат.

И вот теперь эта стыковка. Между самолётами было только три часа, поэтому Володя не стал делать шенгенскую визу специально для выхода в город Амстердам. Конечно, в свете всего вышесказанного, он мог бы предвидеть такую задержку, но не боги же мы, в самом деле. Да и выходить в город было бы опасно: с таким «везением» самолёт мог улететь и без Володи.

Молодой человек послонялся по аэропортовским магазинам, зачем-то купил голландского сыру (любой сыр, а не только голландский, он ел лишь с сильной голодухи) и мужскую туалетную воду, которой он пользовался в самых-самых крайних случаях, то есть только в подростковом возрасте, когда хотел казаться старше и понравиться девочкам. Поел суши и роллы в странной кафешке без стен, которая состояла из одной стойки – с одной её стороны люди активно делали суши и роллы и из какого-то большого термоса наливали мисо-суп, а с обратной стороны другие люди не менее активно всё это поглощали. Надо отдать должное, несмотря на то, что кухня была, прямо скажем, походно-полевая, еда оказалась вкусной.

Пока Володя поглощал японский фастфуд, он услышал невнятное объявление: его рейс опять откладывался на неопределённый срок. Встала насущная проблема – чем ещё заняться. Ходить по магазинам он уже не мог, так как обошёл их все и уже купил себе чего-то ненуж-

ного, так что ритуал был выполнен. Поел он только что. Книгу он «случайно» положил в чемодан, который сдал в багаж. Газету, выданную в самолёте, он за трехчасовой полёт из Москвы до Амстердама уже прочёл от корки до корки или что там у газеты... от первой полосы до последней, включая рекламу, колонтитулы и фамилию главного редактора. Короче, делать было нечего.

И тут Володя вспомнил. Когда-то он читал брошюрку про аэропорты мира, и Схипхол там отмечался как аэропорт, имеющий массу интересного, в том числе и самое большое аэропортное или аэропортовое... короче, неважно, а важно то, что здесь находилось казино.

Конечно, может показаться странным, что столь неудачливый человек направляется в казино. Но Володя был не просто банальным неудачником. Он пытался найти обоснование и закономерности в распределении между людьми удачи и неудачи. Он перелопатил много литературы на эту тему, начиная с мифов Древней Греции и заканчивая изучением теории вероятности.

Все прочитанные им теории можно было разделить на три основных группы.

В первую входили те, которые гласили, что удачи как таковой не существует, а всё, что с людьми в жизни случается, – это заслуга самих людей.

Теории второй группы убеждали: всё, что с людьми происходит, – это результат удачи, и заслуги людей в этом нет.

Третья группа содержала комбинированные теории. Их создатели утверждали, что удача и счастливый случай присутствуют, но человек должен вовремя подсуетиться, чтобы эта удача не пролетела мимо них.

Все теоретики и мифотворцы почему-то задумывались над вопросом удачи, иногда одушевляли и даже обожествляли её, но не думали над природой неудачи. Вернее думали, но очень уж пытались на этом месте включить позитивное мышление. Мол, всё относительно; то, что нам кажется удачей, может обернуться неудачей, и наоборот. Очень Володе запомнилась одна восточная притча. В ней говорилось, что каким-то образом в одну семью прибежал ничейный конь, и вся деревня позавидовала этой семье и сказала: «Какая удача!» Потом старший сын сел на этого коня. Конь сбросил его, парень упал и сломал ногу. Все сказали: «Какая неудача!» Через неделю началась война, и всех взрослых парней из этой деревни забрали на войну, кроме старшего сына. И все опять сказали: «Какая удача, что он сломал ногу!»

Из этой притчи напрашивается вывод: всё зависит от обстоятельств, в которых произошло то или иное событие. И любое происшествие, даже, на первый взгляд, неудачное, может обернуться пользой и выгодой, и наоборот. Но никто не предполагает такого фатального невезения, которое преследует Володю. Если бы героем притчи был он, то события развивались приблизительно так. Конь прибежал бы в чужую семью, но странным образом сбросил Володю. Володя сломал бы ногу и с ещё не зажившим до конца переломом пошёл на войну, где она (нога) доставляла бы ему массу дополнительных хлопот и неудобств.

Поэтому у Володи была своя теория на этот счёт. Вот её приблизительное изложение. Каждому при рождении выдаётся свой набор – мешок с подарками, – как Дедом Морозом на Новый год. В этом мешке лежит много всего: и шоколадные конфеты, которые ты любишь; и карамельки, которые ты любишь меньше, но им всё-таки рад; и вафли, которые ты уж совсем не любишь, и непонятно зачем их вообще туда каждый год кладут, но раз положили, то всё равно придётся съесть; и там даже может оказаться совершенно фантастический шоколадный заяц в яркой обёртке, полный внутри, но тем не менее очень желанный. В отличие от новогоднего подарка, где мы можем выбрать, что нам съесть сначала, а что потом, в жизни мы всё выхватываем вслепую. Поэтому из этого мешка нам под руки попадает то одно, то другое; полное же содержимое мешка нам неизвестно.

И вот у Володи создалось впечатление, что в его подарок положили исключительно полусъедобные вафли. А где же остальное, что было приготовлено для него?! Куда это делось?

Здесь опять требуется небольшое теоретическое отступление. В общем-то, наше сознание ограничено нашим конечным миром, поэтому людям кажется, что и в природе всё конечно. Конечно количество воды, денег, продуктов, благ. Но если внимательнее взглядеться в окружающий мир, то можно как минимум усомниться в этой конечности. Во-первых, бесконечность Вселенной уже о чём-то должна говорить. Правда, некоторые физики и тут вносят в понятие бесконечности свои коррективы, утверждая в своих теориях, что Вселенная всё же конечна. Но возникает детский в своей непосредственности вопрос: а что там дальше? *За* «конечной бесконечной Вселенной»? Во-вторых, чисто математически, нельзя привести ни одного числа, чтобы оно было окончательным. Всегда есть величина меньше или больше этого числа, то есть здесь тоже не наблюдается конечности. Нас запугивают недостатком ресурсов, воды, постоянно говорят об их конечности и последующем коллапсе. Но дикарям не нужна была нефть, зато хорошие кремнёвые наконечники ценились у них... «на вес золота» – не скажешь, так как и золото они не ценили вовсе. Короче, кремнёвые наконечники и топорыки они ценили превыше всего и, наверное, ужасно боялись, что когда-нибудь пригодный материал для изготовления этих орудий исчезнет. Но прошли века, и иные материалы стали казаться ценными. До изобретения двигателя внутреннего сгорания люди нефтью интересовались так же мало, как дикари – урановой рудой. Но новые времена несут новые технологии. То, что вчера было ценным, назавтра теряет свою значимость, и наоборот. А вода? Она-то всегда будет необходима человеку, независимо от технологий. Но и на это у Володи имелся ответ. Количество воды на Земле остаётся постоянным. Тают ли ледники, уходят ли реки под землю, но общее количество воды на Земле не меняется. Другое дело, что меняется количество воды, пригодной для питья. Ну, это уж, братцы, извините. Сами гадите – сами и кушать извольте.

Короче, все эти долгие рассуждения ведутся к тому, что бесконечный дефицит воды, нефти, денег, благ и тому подобного выдуман самими же людьми – чтобы одни могли пользоваться этими благами за счёт того, что другие к ним безудержно стремятся, не задумываясь, стоит ли игра свеч. Так ли нужно иметь это бриллиантовое кольцо, шубу из редкой рыси или яхту, на которой ты сможешь плавать ну максимум месяц в году – из-за сильной занятости в добывании всё тех же благ уже в виде самолёта, или парохода, или чего-то там ещё?

Вся эта долгая цепь рассуждений, казалось, должна была привести Володю к мысли о том, что любой мешок с подарками судьбы неисчерпаем, и в нём есть всё: и удача, и неудача. Что, возможно, это просто такая большая, жирная полоса жизни, где ему достаются одни только невкусные вафли, но потом он доберётся до середины бездонного мешка, и тогда на него посыплется сплошные шоколадные зайцы. Но, по Володиной теории, всё оказывалось не так просто. Володя был уверен, что каждый человек не зря рождается с определённым набором в подарке. Если не съесть вафель, то как можно оценить шоколадного зайца? И как сравнить конфеты «Мишка на севере» и «Дюшес» между собой, если они не лежат в одном и том же подарке? Другими словами, как радоваться удаче, если не было неудачи? В то же время «зайцы» и «Дюшес» у каждого свои, индивидуальные. С помощью этих «подарков» человек и сможет прожить свою уникальную жизнь, решить именно свои насущные задачи.

То, что жизнь бесконечна, для Володи было давно очевидно. Взять тот же круговорот воды в природе: вот вода течёт под землей, потом бьёт ключом, родником и выходит наружу, течёт рекой к морю, испаряется, образуя облака, потом опять выпадает дождём на Землю. Зимой замерзает, летом тает... Честное слово, он сам, и довольно давно, додумался до этой аллегии, а потом как-то прочел её у Омара Хайяма. Что-то там про каплю, которая уходит от моря вся в слезах, а море смеётся всё в лучах. Короче, только глупость у каждого своя, а одни и те же умные мысли приходят в разные гениальные головы.

На чём это мы... Ах да, подарки даются разными, чтобы человек мог решить индивидуальные задачи на эту жизнь. Но при чём здесь Володины шоколадные зайцы, и почему он ещё ни одного не достал из мешка? Тут, надо признаться, начинается самая слабая часть Воло-

диной теории. По какой-то причине некто пытается схитрить. Он не хочет вафель, не хочет даже «Дюшеса», ему подавай только «зайцев», в крайнем случае «Мишку в лесу» или «Трюфель». И этот некто подменяет подарки. Кому-то складывает всё ненужное, изымая у него при этом самое вкусное (ведь мешок-то должен быть полным). Именно такой дефектный мешок и достался Володе. И где тот счастливчик, который ест его шоколадных зайцев? А главное, как восстановить справедливость и вернуть всё на свои места? На эти вопросы Володя ещё не нашёл ответов. Именно поэтому он и пошёл в казино. Там, как нигде, можно было наблюдать за процессом раздачи удач и неудач.

В казино царил полумрак, а искусственный свет над столами и исходящие из недр игровых автоматов яркие истеричные блики только подчёркивали липкую холодность этого полумрака. Народу в казино было немного. Пара-тройка человек лениво топталась около игровых автоматов, двое играли в «джек-пот», но Володю влекло к рулеточному столу. Он купил десяток самых дешёвых фишек, не надеясь на выигрыш, – лишь бы можно было время от времени что-то ставить на сукно. За рулеточным столом собралось несколько человек, но Володя без труда нашёл себе место. Крупье уже запустил бег шарика, который катился с характерным, ни на что не похожим, звуком, словно придиричиво выбирал для себя достойную лузу. Наконец он остановился на цифре 36. Лопаточкой крупье быстро распорядился фишками на поле. Выиграл только один человек, но по-крупному. Его фишка стояла на 36. Володя внимательнее пригляделся к этому человеку. Он был приблизительно одного возраста с Володей, одного роста, цвет волос совпадал тоже. Одет был с небрежностью молодого денди. На вид обычные джинсы и рубашка при ближайшем рассмотрении учетверяли свою стоимость; а на запястье скромно поблёскивали дорогие часы. В общем, от удачливого молодого человека настойчиво пахло деньгами.

Странное чувство возникло у Володи при взгляде на этого парня. Что-то неуловимо знакомое, даже родное мерещилось в нём. Но, приглядываясь, Володя переставал видеть это родственное тождество, напротив, в глаза лезли исключительно отличия. У того есть аккуратная гламурная борода, а у Володи нет, волосы заграничного денди лежат красивой волной, а Володины коротко подстрижены. Иностранец так уверенно, даже изящно держится, острит, небрежно ставит фишки и опять выигрывает... И почему это вдруг в Володину голову пришла странная мысль про похожесть? Но наш герой больше не мог оторвать взгляд от этого человека. Что-то в нём притягивало Володю, как магнит. Сначала Володя подумал, что это зависть. Что он банально завидует удаче молодого человека (судя по выговору – австралийца), завидует тому, чего ему самому так не хватает. Но, придиричиво проинспектировав свой внутренний мир, Володя понял, что отнюдь не зависть движет им, не любопытство, не экспериментаторский пыл. Нет, его привлекало нечто содержащееся в этом человеке, неопределённое, но в чём-то до боли знакомое.

Около везунчика освободилось место, и Володя придвинулся к нему поближе. Некоторое время они молча играли – один фатально выигрывал, а другой не менее фатально проигрывал. Володя неплохо знал английский, поэтому постепенно между ними завязалось что-то наподобие беседы. В конце концов Володя проиграл все свои фишки, а везунчику или просто надоело выигрывать, или более насущные естественные потребности позвали его прочь от стола, и он прервал свою игру. Заграничный денди милостиво позвал Володю с собой в паб выпить чего-нибудь освежающего. Володя охотно согласился.

Паб как паб. Отделанный состаренным деревом, с зеркалом за барной стойкой, с постерами на стенах. Они, не сговариваясь, заказали тёмное разливное пиво. Пока его несли, молодые люди успели познакомиться. Боб, так звали счастливчика, действительно был австралийцем. По странному стечению обстоятельств он тоже завис в этом аэропорту по той же причине, что и Володя, – рейс Боба откладывался на неопределённое время по таким же неопределённым причинам.

Симпатичная официантка принесла пиво в огромных прозрачных бокалах и солёные орешки. На время беседа утихла. Оба собеседника дегустировали пиво. Оно было, как и везде в Голландии, отличным. Они одобрительно и синхронно покивали своим бокалам. И продолжили разговор. Собственно, говорил в основном Боб, а Володя всё больше слушал.

Володя и раньше иногда наблюдал картину, когда собиралось несколько иностранцев и один из них обстоятельно и самодовольно начинал что-то рассказывать. Со стороны казалось, что оратор излагает какую-то весьма важную для человечества теорию, но, прислушиваясь, Володя неизменно узнавал одно и то же – как этот самый Дилан или Стив очень выгодно взял и выплатил кредит, купил машину, получил повышение по службе или что-то ещё совершенно в этом же роде. Володю всегда тошнило от таких разговоров. Даже со стороны он не понимал, как это можно слушать, а уж поддакивать и важно кивать в ответ... Но, как говорится, не зарекайся. Теперь он и сам очутился в таком положении. Боб самодовольно выкладывал ему свою биографию. Володя узнал, как ему, Бобу, постоянно везёт: образование получил наиотличнейшее, женщины буквально атакуют его, работа очень хорошая, карьера неуклонно идёт вверх, сейчас едет отдыхать в отпуск в прекрасное место в прекрасный отель – короче, жизнь удалась.

Для Володи во всём этом начала проглядывать некая антиподная синхронность, если можно так выразиться.

Для начала они оказались ровесниками. Володя не стал спрашивать дату рождения Боба, это было не слишком удобно. Правда, не только вопросы приличия останавливали его. Володя боялся своей догадки. Но и другие факты подтверждали то, что смутно зарождалось в Володином сознании.

Буквально два месяца назад Володю неожиданно бросила любимая девушка Ира. Он до сих пор не мог оправиться от этой раны. Встреча с Ирой и её ответная любовь – это то, что, казалось, прогнало от Володи кусачую привязчивую собаку по имени Вечная Невезуха. Месяцы, проведённые с Ирой, были чудесными и радостными для молодого человека. Но злющая собака-неудача только жестоко поиграла с Володей в прятки. Она выбрала момент, когда Володя совсем расслабился и поверил, что её рядом больше нет, неожиданно выскочила из-за угла и укусила в самое больное место.

Боб же два месяца назад обручился с девушкой своей мечты, насколько, конечно, Боб вообще был способен мечтать. Невеста Боба принадлежала к очень хорошей и богатой семье, поэтому у Боба теперь будет всё ещё больше в порядке, если это вообще возможно. Вдобавок к богатству, девушка была, несомненно, красива, умна и беззаветно любила Боба, так что он опять выгащил счастливый билет или, пользуясь терминологией Володи, очередного шоколадного зайца.

Год назад Боб получил неожиданное и захватывающее предложение по работе, которое вылилось в стремительный карьерный рост и соответственные денежные эквиваленты.

Год же назад Володя лишился интересной, хоть и не так высоко оплачиваемой работы в журнале. Эту работу он до сих пор оплакивал где-то в глубине души.

В семнадцать лет Боб выиграл соревнования по виндсерфингу, а Володя тонул в штормовом море в Крыму. Тогда он серьёзно и навсегда прощался с жизнью. Но в тот раз удача всё же не отвернулась от него. Наверное, это был «Дюшес», который не выгреб из Володиного подарка кто-то алчный, и ему удалось выплыть. Этот случай да ещё встречу со своей любовью, Ириной, Володя считал счастливыми исключениями из несчастного правила. Теперь счастливая любовь превратилась в несчастную, поэтому оставался только один случай.

В пятнадцать лет Боб целый год увлекался боксом, ходил в секцию, даже подавал какие-то спортивные надежды, участвовал в соревнованиях. Но в шестнадцать лет он охладел к боксу и занятия бросил.

Володя же хорошо помнил тот год, с пятнадцати до шестнадцати лет, когда он постоянно подвергался нападкам дворовой шпаны. Их было много, а он один, поэтому Володя приходил

домой с разбитой физиономией чуть ли не каждый день. Через год главного хулигана, Сливу, посадили, и нападки на Володю как-то сами собой прекратились.

Была ещё масса маленьких знаков, которые подтверждали Володину догадку о незримом их родстве с Бобом: у них одновременно чесался нос, они одновременно и одинаковым жестом подносили ко рту бокал с одинаковым пивом, они любили одинаковую музыку, им нравился один тип женщин. Что там говорить, каждая мелочь буквально кричала об этом странном зеркальном сходстве.

При более внимательном рассмотрении их можно было бы принять за однояйцовых близнецов, которых разлучили в младенчестве. Но такую детективную историю Володя сразу начисто отмёл. Поскольку уже в детстве его ум имел философский настрой и его волновали вопросы жизни и смерти, маленький Вова довольно часто расспрашивал мать об обстоятельствах своего рождения. В зависимости от возраста ему выдавались различные кусочки мозаики, которая постепенно складывалась в картинку его рождения. Мать рожала Вову долго и мучительно. Никто тогда ничего не обезболивал, об эпидуральной анестезии и слыхом не слыхивали. Поэтому мать честно отмучилась почти сутки. Вся загвоздка была в том, что Володя шёл не как все дети – строго головой вперёд, а зачем-то решил помочь себе ещё и плечом. Щипцы накладывать не хотели, ведь тогда вероятность рождения нормального ребёнка была бы катастрофически мала. В результате он всё-таки родился самостоятельно, хоть и с переломом ключицы. Но это такая мелочь по сравнению с возможным слабоумием! Его героическая мать всё это время была в сознании – конечно, скорее всего, не в таком ясном от жуткой боли, но всё же... Но всё же ни о каком близнеце и речи быть не могло. Мать бережно хранила клеёнчатые оранжевые бирочки с марлевыми завязками, которые привязывались на ручки или ножки младенчика, чтобы его не перепутать с другими такими же младенчиками. Сохранилась старая фотография, где счастливая мать стоит на фоне серого параллелепипеда – здания роддома – и держит в руках кулёк с Володей. Нет, никаких загадочных историй ни в роддоме, ни за стенами его произойти не могло. Мама, с её безумной любовью и опекой, никогда бы не отказалась от второго близнеца, если бы он родился. Да в те времена ещё никому и не приходило в голову продавать детей за границу или отдавать их туда на усыновление.

Значит, оставалось предположить одно: природа так удивительно повторила сама себя в зеркальном отражении. Ведь и в зеркале – вроде бы на тебя смотрит совершенно тождественное существо. Но даже в этом подобии есть некое зазеркальное отличие: твоё право – это его лево, и наоборот. Так же и здесь: при видимом сходстве жизнь их складывалась зеркально противоположно – где одного ждала удача, там другого с неумолимостью рока постигала неудача. Причём удача и неудача распределились удивительно равномерно, в том смысле, что вся удача досталась зеркальному антиподу Володи, а вся неудача оказалась в Володином подарочном мешке. Неужели и там, наверху, происходят ошибки и зеркальные недоразумения? И кто же является чьим отражением? И если они две части одной голограммы, то что произойдёт после гипотетического слияния этих частей? Останется Боб, или Володя, или появится некто третий, несущий черты и судьбы их обоих, но являющийся уже кем-то иным, а не простой суммой двух молодых мужчин? Либо же произойдёт некий обмен, и «подарки» перемешаются так, что у Боба появятся «вафли», а у Володи «шоколадные зайцы»?

Или всё-таки есть смысл в притче про лошадь и сломанную ногу – не было бы счастья, да несчастье помогло? В том смысле, что несчастливая задержка рейса, потеря любимой девушки (конечно же, расставание с ней каким-то образом повлияло на решение уехать подальше) привели Володю сюда, в аэропорт, в эту ключевую точку его жизни, когда уже не будет поворота обратно, потому что на этот раз ему выпала редкая удача заглянуть в зазеркалье... хоть одним глазком.

Володино «я» как бы раскололось на две части – одна его часть внимательно слушала и фиксировала важные мелочи, относящиеся к этой невероятной зеркальности и тождествен-

ности, а вторая – подробно анализировала теоретические аспекты случившегося. Никаких практических выгод эта встреча, казалось бы, не сулила, но зато какой простор для ума и философского настроения!

Как уже говорилось, Володю и Боба отличала редкостная синхронность в событийности, в жестах, вкусах и, в том числе, в естественных позывах. Совершенно одновременно им приспичило в туалет, куда они, посмеиваясь, дружно и направились.

В мужском туалете никого не было. Одновременно справив малую нужду в писсуар и, синхронно застегнув штаны, они направились к кранам помыть руки. Вот тут-то и случилось ЭТО.

Володя запомнил тот миг на всю оставшуюся жизнь, а может быть, даже дольше. Как в замедленном кино, он видит себя отражённым в углу зеркала. Он медленно направляется к раковине и всё больше и больше отражается в нём. Вот его фигура уже целиком видна на серебристой поверхности. Потом очень медленно в зеркале начинает отражаться Боб. И нечто странное начинает происходить с ними обоими. Внутри Володи, в области солнечного сплетения, образуется сверкающая световая воронка, которая расширяется и вращается. Всё быстрее и быстрее! Её хорошо видно в зеркале. Она похожа на маленький световой тайфун. Внутри у Володи тоже возникает ощущение какого-то кручения-верчения, но это ощущение нельзя назвать неприятным. Оно тёплое и какое-то ароматное. Этот аромат можно сравнить с запахом молока, ванили и свежего хлеба, и запах одновременно имеет цвет и свет. Володя понимает, что этот смерч в солнечном сплетении является материальным и нематериальным одновременно.

В то же время отражение Боба начинает как-то странно мерцать и расслаиваться, словно голограмма, на которую смотрят под углом, где становятся видны её тонкие пласты. И вдруг расслоённое отражение Боба начинает дрожать, а потом мгновенно затягивается в воронку на груди Володи.

Внезапно вспышка яркого света ослепила Володю. Наверное, он потерял на какое-то время сознание, потому что следующее, что он помнил, – жёсткий и холодный кафельный пол туалета под его спиной.

Володя медленно открыл глаза. Над ним нависал белый потолок. Молодой человек медленно, с трудом повернул голову сначала в одну сторону, а потом в другую, но никого рядом не обнаружил. Он был совершенно один. Боба и след простыл. Володя посмотрел на часы. Он был в отключке не больше двух минут.

«Наверное, Боб побежал за медицинской помощью», – мысли с трудом ворочались в Володиной голове. В это время он услышал объявление, что заканчивается посадка на его самолет. Где-то по краю сознания мелькнуло недоумение: «И когда же она началась, если я только на пару минут отключился, а всё остальное время внимательно следил за объявлениями? Ну да ладно...»

За последние несколько часов с ним произошло столько необычного, что психика, видимо, включила некий защитный режим – Володя перестал чему-либо удивляться и глубоко анализировать происходящее. Поэтому он просто пошёл к своему гейту. Жаль, конечно, что так и не удалось попрощаться с Бобом, он, в сущности, неплохой парень, хоть и туповатый, как все эти, с западным образованием и воспитанием, зацикленные только на деньгах, карьере и тому подобных низменных материях.

Отпуск прошёл в стандартном курортном режиме: завтрак-пляж-обед-пляж-ужин, иногда с несколькими коктейлями. И так по кругу. У Володи завязалось несколько необременительных знакомств – потом, когда начался обычный рабочий ритм жизни, все они, как это часто бывает, потихоньку сошли на нет. Но для Володи подобное было ново и радостно: раньше он довольно трудно сходил с людьми. И хотел бы, но всё время как-то не складывалось, как-то неуклюже и неловко получалось, даже если молодой человек и пытался завязать новые зна-

комства. А тут люди сами искали повод заговорить с ним, пообщаться. Володя чувствовал с их стороны непривычный интерес к своей персоне. Это и смущало, и приятно удивляло его.

По возвращении в Москву Володе позвонила его бывшая девушка Ирина и сказала, что она ужасная дура, что просит у него прощения и хочет начать всё заново. Потом позвонили из редакции журнала, откуда его так, в сущности, некрасиво уволили, и предложили место редактора. Не главного, но и о такой должности Володя даже не мечтал... Через месяц (какой банальный сюжет! Но из песни, как говорится, слов не выкинешь) Володе позвонила мама и сообщила, что в Германии умерла какая-то седьмая-вода-на-киселе-родственница, которую во время войны угнали туда немцы и откуда она так и не вернулась. И эта родственница, за неимением никого другого более близкого, оставила Володе и Володиной маме напололам домик под Кёльном, чистенький и миленький, без всяких обременительных кредитов и залладных, а также 420 тысяч евро на счету, а ещё – приятное дополнение в виде маленькой кафешки под тем же Кёльном. Кафешка – небольшая и скромная, но приносящая полноценный кусок хлеба. Мама сказала, что это подспудная мечта всей её жизни – жить в Европе и иметь маленький уютный бизнес. Поэтому наследство поделили просто и без затей – маме домик и кафешка, а Володе 400 тысяч евро. 20 тысяч он отдал маме, нужны же какие-то средства на первое время.

После всех этих странных событий Володя начал спешно пересматривать свою теорию по поводу везения и невезения. Наверное, у него действительно всё это время была чёрная полоса, а теперь наступила широкая белая. И сейчас в его жизни пошли сплошные «шоколадные зайцы», и ему всё поразительно удавалось. Да и внешне Володя постепенно стал меняться. Удачливость и достаток придали его движениям уверенность и вальяжность. Он стал носить более длинные волосы, которые красивой волной обрамляли его лицо. Володя даже подумывал: «А не отрастить ли эту такую гламурную бородку?..» Его одежда приобрела роскошную небрежность и стильность. С пылкой, но ненадёжной любовью – Ириной – он всё-таки расстался. Но теперь Володино сердце больше не было разбито. Любовь как-то тихо прошла сама собой.

Володя был молод, умён, хорошо образован и начитан, без пяти минут как по-настоящему богат (он успешно вложил деньги в акции), нравился девушкам. Короче говоря, жизнь повернулась к Володе своей светлой стороной, вернее полосой.

Он почти и думать забыл о происшествии в аэропорту. Если бы не странный звонок посреди ночи, где-то через полгода после той стыковки в Схипхале. Взволнованным голосом в трубку кричала девушка, на английском, с каким—то специфическим акцентом (возможно, австралийским?):

– Боб, это ты?! Где ты, Боб?! Боб...

И связь оборвалась.

На следующий день Володя пошёл в московское казино. Купил фишек, выбрал столик, где было не так много народу, и сел играть. Он поставил фишку на 36. Пока шарик с характерным звуком искал достойную лузу, Володя стал разглядывать игроков. Через три места от него сидел парень со всеми признаками явного неудачника: вытянутый свитер, дорогие часы, слегка затравленный взгляд исподлобья. Что-то неуловимо знакомое было в этом молодом человеке. Шарик остановился.

– Тридцать шесть, красное, – сказал крупье.

(Курп, лето 2009 г.)

Половинки

Наша встреча была, наверное, неизбежностью. Он вычленил меня из толпы людей задолго до того, как увидел. Вернее он видел меня, но для него в тот момент я была лишь неясным цветовым пятном, к которому он инстинктивно потянулся. Как семена (которые бросаются в землю самым небрежным и разнообразным образом) всегда, в любом положении, корнями потянутся вниз, а хрупкими листочками вверх – ибо подчиняются неумолимому притяжению, – так и он, не задумываясь, потянулся к некому цветовому пятну, которым была я.

Да и я его сразу узнала. Не то чтобы я видела его когда-то – во сне или как-то ещё, – нет, но было в той встрече какое-то моментальное глубинное узнавание, словно родственник, о котором ты много слышала, но никогда не видела, наконец-то встретился тебе. И ты видишь в нём перемешанные черты твоего рода. Он не похож на дедушку или любимую тётю, у него глаза свои собственные, а не троюродного дяди, но есть в нём какая-то неуловимая родственная печать, которая говорит тебе: это СВОЙ. Даже нет, не то... «Это ТВОЙ», – шепчет тебе внутреннее чувство.

Много говорят о феномене близнецов. Это когда разлучённые в детстве близнецы в одинаковое время одинаково болеют, женятся одновременно, даже детям и собакам дают одинаковые имена, и всё это – независимо друг от друга, не подозревая о существовании друг друга. Нечто похожее происходило и с нами. Но мы не были близнецами. Наверное, поэтому в нашей жизни до встречи не наблюдалось этой близнецовой синхронности. Встреча же словно стала новым отсчётом в наших жизнях – отныне прямые линии пересеклись, изменили направление и слились в одну.

Правда, эта близнецовая синхронность проявилась не сразу.

Вообще-то людям свойственно подстраиваться друг под друга. Даже под совсем чужого тебе человека ты невольно подстраиваешься. Это хорошо заметно в общественном транспорте. Все сидящие рядом постепенно начинают дышать в такт: тот, кто дышал быстрее, начинает делать более глубокие вдохи, кто медленнее – наоборот. Возникает некий усреднённый ритм, который устраивает всех. Когда я была маленькой, то любила нарочно сбивать своё дыхание и прислушиваться к тому, как рядом сидящий пытается восстановить эту мировую гармонию – единое дыхание, хотя бы на отдельно взятой лавке вагона метро. Он делал глубокий акцентированный вдох, который должен был призвать меня к порядку и настроить на нужный лад. Если я упорно не настраивалась, то рядом сидящий сам подстраивался под меня. Наши грудные клетки вздымались мерно и одновременно, поддерживая закон всеобщей синхронности.

И так бывало везде и всегда – подлец или святой сидит/стоит/лежит и т. д. рядом с тобой: ты дышишь с ним одним воздухом и ты дышишь с ним в единый такт. Хочешь ты того или нет.

Возвращаясь к нашей встрече – я не утверждаю, что сразу поняла: мы созданы друг для друга и всё такое. Просто притяжение было неумолимо, и конечно, мы стали встречаться.

Сначала синхронность не была такой фатальной – просто мы замечали, что нам нравится одна и та же музыка, на одни и те же вещи мы смотрим одинаково. То есть поначалу мы заметили очевидные точки соприкосновения, которые начинают удерживать людей рядом. Потом, при более глубоком узнавании, мы заметили, что не можем играть друг с другом в разные игры, в карты, например. Потому что знаем комбинации и замыслы партнёра. Иногда ему удавалось мысленно обмануть меня. Я чувствовала, что он выберет определённую комбинацию, и делала ход, а он хитро передумывал в последний момент и... обманывал меня. В мыслях, но обманывал, и я проигрывала. И каждый знал, что сейчас произошло, – обманщик и обманутый. Поначалу это забавляло нас. Мы дружно смеялись над этим, как над удачной шуткой, сказанной без слов, сделанной без малейшего намёка на комическое выражение лица. Мы оба

могли не пользоваться третьей сигнальной системой (как её называют учёные, а проще говоря, речью), чтобы понять друг друга.

Как такое может быть? Не знаю. Если рассматривать пример с игрой в карты, то, возможно, мне шёл сигнал о первоначальной комбинации, и я уже не прислушивалась к ходу его мыслей, а он менял своё решение и выигрывал. И вообще, это не было чтением мыслей в прямом понимании слова. Не было такого, что в голове моей появлялась законченная фраза, формула чужой мысли. Было просто некое ощущение, что он думает вот таким образом и поступит вот так. Оно рождалось сначала в области сердца, а уже потом расшифровывалось умом.

Эта синхронность распространялась и дальше. Нам даже не нужно было видеть друг друга, чтобы знать какие-то подробности. Я не утверждаю, что точно знала, когда он пьёт, например, кофе. Что вот я сижу и отдаю себе отчёт: он пьёт кофе. Нет. Такого я не утверждаю. Потому что это, в общем-то, неважно – пьёт он кофе или чай сейчас или вообще ничего не пьёт. А вот то, что он скоро придёт или позвонит, – это было уже важнее для моего существа. И я знала, когда это произойдёт.

Вот это ощущение порывов, мыслей, эмоций другого поначалу очень роднило и объединяло нас. Нам казалось, что мы предназначены друг для друга, мы – родственные души и остальная подобная романтическая дребедень.

Окружающие поддерживали эту версию реальности. Они постоянно говорили нам о нашей похожести, о счастливом совпадении наших выражений лиц, слов, реакций на происходящее.

Но постепенно со мной стали происходить странные вещи – я начала понимать, что просто не существую без него. Мои друзья стали его друзьями, а те, которые не стали, как-то постепенно отпали, ушли из моей жизни в неизвестные дали. Его же друзья не стали моими. Но они превратились в людей, которые вошли в мою жизнь и теперь вольно или невольно что-то в ней решали. Я должна была улыбаться некоему Максиму, потому что так было нужно. Почему нужно? Кому нужно? Мне – точно не нужно. Но я улыбалась. Я должна была идти на неинтересный ужин с неинтересными мне людьми, потому что эти люди нужны были ему. Ему – а не мне. Но я шла. Я перестала принадлежать себе.

Поначалу мне это тоже нравилось. Мне казалось, благодаря этой синхронности и родственному узнаванию я нашла свою вторую половинку, свой идеал, своего единственного. Мне захотелось срастись с этой половиной, чтобы стать целой. Мне захотелось никогда с ней не расставаться. Из моей жизни ушло *я*, и пришло размытое *мы*.

Только у него это *мы* возникло в каком-то усечённом варианте. Даже не так, это я становилась усечённым вариантом себя и одновременно усечённым вариантом его. А он становился всё полноценнее, целостнее... обширней, если можно так выразиться...

И в какой-то момент я начала видеть своё отражение в нём. Такое впечатление, что часть меня перешла, переселилась в него, стала им. И эта часть – просто присвоена. Утащена по кусочку каким-то непонятным образом. Причём утащено лучшее, самое ценное.

С этим ощущением опустошения совпало его охлаждение ко мне. Не то чтобы мы расстались, нет, мы по-прежнему вроде бы были вместе. Но видеться стали реже, и в отношениях появилась какая-то скука. С его стороны. С моей же – болезненная нервозность и неуверенность. Я постоянно, навязчиво задавала всё те же вопросы: «Ты меня любишь? Тебе хорошо со мной? Ты для меня всё, а я для тебя?» И получала всё те же равнодушные ответы: «Да. Да. Всё». Я понимала, что за этими бесцветными ответами стоит желание поскорее от меня отделаться, но всё ещё не хотела в это верить. Я задавала снова и снова свои вопросы, надеясь услышать в тоне нужные мне нотки. Но их не было. Душевная жажда моя не утолялась. Напротив – только разгоралась сильнее.

Постепенно трещина, которая появилась давно, стала увеличиваться. Она медленно, но верно разрослась до размеров Гранд-Каньона. И наши отношения стали рушиться, прямо

туда, в ту необозримую пропасть. Он всё чаще и чаще стал пропадать. Сначала на пару дней, потом на неделю. Я же со своим обострённым чувством, которое и сформулировать-то трудно... с чувством его чувств и ощущений, ясно понимала то, что происходит с ним, а что ещё хуже – я понимала, что происходит у него в душе. Точно и ясно всё моё существо знало: у него появилась другая. Но ум-факир, который всегда пытается сотворить с нами какой-нибудь фокус (и для чего ему это?), из последних сил пытался убедить меня, что это неправда. И как мне хотелось ему верить!

Видимо, с меня ещё что-то можно было взять, поэтому он всё не уходил. А жуликоватый дешёвый фокусник-ум говорил: «Вот видишь, я был прав! Прав!!» Но всё было не так! Всё было гадко и больно. Несмотря на это, я старалась продлить наше сосуществование. И отдавала. Отдавала последние крохи своего тепла, сердца, души. Мне казалось, что ещё можно что-то вернуть, спасти. Как он может бросить меня, ведь мы же так похожи?!

Но день, которого я так боялась, настал – он ушёл. Ушёл к другой. К ней.

Пустота обрушилась на меня. Я почти не могла дышать. Грудная клетка не вздымалась, чтобы захватить нужное количество воздуха. Казалось, что там, внутри, заела какая-то пружина. И теперь она не даёт нормально двигаться грудной клетке. Чем-то смазать бы её... И тогда я смогу сделать полноценный глоток сладкого воздуха... В остальном мне казалось, что я осталась прежней. Я даже не плакала. Ум-факир убеждал меня, что я вовсе и не переживаю. Ну да, мне стало как-то на всё наплевать, – подумаешь! Подумаешь, что стало невозможно полноценно дышать. В остальном-то – всё отлично! Только вот ещё вес...

Я стала словно таять, меня становилось всё меньше. Даже домашний грузовой лифт перестал меня возить – он не воспринимал мой вес. Обычный пассажирский возил, а вот грузовой – нет. Приходилось отправлять его на какой-то этаж (тогда мне казалось, что я запускаю ракету куда-то далеко, в неизвестное пространство... и почему-то без возможности вернуться...) и ждать пассажирского.

В один из вечеров мне показалось, что я засну, а потом не проснусь: не потому что умру, а просто от меня за ночь ничего не останется, я растворюсь в воздухе, вся изойду на своё поверхностное дыхание...

Но на следующее утро я проснулась. Правда, в сильном жару. Температура, наверное, ползла к сорока. Голова плыла. В полубреду я видела его. И его новую пессию. Он теперь по-другому улыбался. Говорил какие-то другие словечки. Даже выглядел по-другому. Был так неуловимо похож на неё. Даже глаза у него поголубели, хотя когда-то были ореховыми, почти карими... как мои.

И в этом полубреду мне показалось, что он состоит из маленьких разноцветных кусочков. Очень было похоже на мозаику. Какие-то кусочки этой своеобразной мозаики были моими. Меня охватила страшная тоска. В этой тоске я потянула руки к переливающимся кусочкам и стала пытаться собрать их. И кусочки потянулись ко мне. Они легко и естественно возвращались на свои места.

Первое, что я ощутила: мне стало легче дышать. Я жадно пила воздух, не могла им наддышаться.

Кусочки мозаики возвращались и возвращались. И с каждым кусочком восстанавливались мои силы. Даже больше – восстанавливалась я, как личность, как человеческая единица.

Потом я поняла, что вся эта разноцветная мозаика – она моя. Не одну жизнь я знаю этого человека. Потому и показался он мне таким родным и знакомым. И моё возвращалось ко мне. Я уже не управляла этим процессом. В какой-то момент вся мозаика облетела с него, и остался голый железный каркас. И больше ничего. НИЧЕГО!

И вдруг с душераздирающим скрипом и скрежетом этот каркас стал разваливаться. Это было жутко. Надсадный звук железа, поднявшаяся ржавая пыль... Потом я, наверное, потеряла сознание.

Когда я очнулась, была уже глубокая ночь. Округлая луна с любопытством заглядывала в моё окно. Я чувствовала себя здоровой и обновлённой. Я в полной мере осознала выражение «заново родиться». Именно это я могла сказать сейчас о себе. Мне не спалось. Двенадцатый час. Ещё не поздно для звонка ЕМУ. Возможно, он поговорит со мной. Возможно, ещё не всё потеряно. Хотя... Я ловлю себя на том, что все эти мысли порождаются во мне некой инерцией, что они не затрагивают меня по-настоящему, словно идёт рябь по воде, а глубинные водные пласты по-прежнему хладны и спокойны. Я поняла, что не хочу возвращать всё обратно, что уже почти перевернула эту страницу своей жизни, отпустила эту историю. Но прежде чем окончательно разжать пальцы и позволить ей тихо упасть в вечность, хочется поставить финальную точку.

И вот я набираю его мобильный номер, который давно знаю наизусть. Механический голос отвечает мне: «Абонент недоступен». Тогда я набираю городской номер. По телефону отвечает сонный женский голос, почти такой же механический, как минуту назад в мобильной сети. Мне всё равно. Сердце не сжимается болезненно, как раньше, от мысли, что это она – разлучница и мой злой гений. Я прошу его к телефону. Женщина говорит, что я ошиблась номером. Я набираю тот же номер ещё раз. Подходит всё та же женщина и раздражённо говорит мне, чтобы я была внимательнее. Я произношу цифры. Нет, всё правильно. «Но таких здесь нет и никогда не было», – говорит женщина и отключается.

«Врёт! Как глупо!! Позвоню завтра», – думаю я.

Назавтра происходит всё то же самое – «абонент недоступен» и «здесь таких нет».

Я приезжаю по его адресу. Передо мной незнакомая дверь. «Неужели поменял даже дверь вместе с замком? Я бы и так отдала ключ, зачем же такие крайние меры...» – иронично думаю я.

Я нажимаю кнопку звонка, который звучит чужим голосом. Мне открывает чужой мужчина. Я вижу совершенно незнакомую прихожую. Я начинаю спрашивать про него, но мне говорят, что здесь никогда такой не жил...

У меня не осталось никаких доказательств, что он существовал. Окружающие помнят, что я встречалась с кем-то. Но без всяких подробностей. Описывают его как что-то серое и бесцветное. Мимолётно-несерьёзное. Хотя я точно помню, что эти же люди восхищались тем, как мы идеально подходили друг другу, не раз говорили мне, что мы половинки одного целого.

У меня не осталось ни одной фотографии с ним. На свою беду я почти никогда ничего не распечатываю на бумаге и все фото храню на специальном жёстком диске. После неудачного посещения его бывшей квартиры я кинулась домой, чтобы посмотреть наши фото с ним. Мой диск, на котором я хранила папку с фотографиями, сгорел. Вместе со всем архивом.

Он вообще не любил фотографироваться, но в телефоне у меня должны были сохраниться несколько наших общих фотографий. Должны были... но почему-то не сохранились. В социальные сети он запрещал выкладывать фото с ним, поэтому и на моих страничках было пусто. Но и это ещё не всё. Он исчез из списков моих друзей во всех социальных сетях. Сначала я подумала, что он занёс меня в «чёрные списки». Поэтому чуть позже пыталась найти его аккаунты через другие устройства, которые не были связаны со мной. Результат был нулевой. Все данные об этом человеке словно кто-то стёр или надёжно спрятал.

И сейчас, по прошествии шести месяцев, мне кажется, что всё это было сном, тяжёлым бредом. Я уже и сама не верю, что всё это случилось со мной. Я ищу доказательства, но их нет. Даже ум-факир смирился с тем, что ему всё это привиделось. Вот только сердце... Иногда в толпе мне вдруг покажется, что я вижу знакомый силуэт и, не отдавая себе отчёта, я начинаю бежать за этим человеком, пока не понимаю своей глупой ошибки. Или в кафе кто-то незнакомый так неожиданно знакомо наклонит голову, и тогда картинка реальности начинает плыть перед глазами от горячей волны, захлёстывающей меня. Или чужое «привет!», адресованное

даже не мне, так болезненно резанёт по сердцу из-за знакомой нотки, тона, прозвучавшего в этом нехитром слове...

А неделю назад я познакомилась с очень симпатичным молодым человеком. Мы понимаем друг друга с полуслова. Мне кажется, что я знаю его сто лет. И только сегодня моя подруга сказала мне, что мы просто половинки целого...

(Москва, 2011 год)

Забывтый чемодан

Алёна сегодня переезжала. Вместо комнаты в коммуналке девушка нашла однокомнатную квартиру. А может, квартира её нашла... Знакомые родителей уезжали из Москвы на три года за границу и хотели сдать квартиру надёжным людям. Они не имели ни времени, ни желания контролировать весь процесс сдачи своей квартиры: искать новых постояльцев, если старые съедут; разбираться с пострадавшими соседями, если жильцы зальют тех водой; менять кран, если он сломается, и так далее. Все эти вопросы было бы проблематично решать из Италии, куда их пригласили на работу. В общем, к несказанной радости обеих сторон, они нашли друг друга: владельцы квартиры – надёжного арендатора в лице Алёны, а Алёна – удобную и приемлемую по цене квартиру.

Девушка уже два года жила отдельно от родителей и успела обрести кое-каким скарбом: учебниками, одеждой, разнокалиберной посудой... Именно эти вещи Алёна с почти добровольным помощником – другом Славиком пытались сейчас упаковать.

«Откуда столько вещей набралось-то?!» – с удивлением подумала Алёна, когда вывалила всё своё добро на продавленный диван.

В комнате, которую она снимала, и вещи-то класть было особенно некуда, так как обстановка в ней была, прямо скажем, спартанская. Ветеран-диван был уже упомянут. О его возрасте трудно судить – обычно мебель столько не живёт. Он гордо выпирал все свои пружины через потёртую обивку. У дивана, с той стороны, что служила Алёне изголовьем, стояла ножная швейная машинка «Зингер», которая вот-вот собиралась перейти в статус антикварной вещи. Сама машинка, которая напоминала Алёне милую лошадку, была опущена вниз. Сбоку крепилось ажурное кованое колесо, которое служило приводом для машинки. Колесо, на вкус Алёны, очень красило эту конструкцию, придавая ей загадочность готики. Из всей этой швейно-готической композиции получился милый ностальгический столик, на котором иногда располагалась лампа советских времён. Такие лампы были когда-то чуть ли не в каждом доме: два параллелепипеда – металлическое основание лампы и пластиковый абажур – соединены между собой металлической же трубкой так, что вся конструкция напоминала букву Z. Это чудо советской дизайнерской мысли даже имело подвижность – лампа могла экономично сложиться в одну прямую. Поэтому счастливый владелец подобной лампы мог направлять её свет туда, куда ему нужно. Абажур мог быть белым или изумрудно-зелёным, а на основании находилась прямоугольная, шикарная в своей огромности и алости, клавиша, которой включалась и выключалась лампа. Этой конкретной лампе достался изумрудно-зелёный абажур.

Данная лампа не имела постоянного места жительства в комнате. В зависимости от потребностей Алёны, она кочевала с письменного стола на столик из машинки «Зингер» и обратно.

У стены стоял жёлтый двусторчатый платяной шкаф, наверное, первых послевоенных лет выпуска. Его большое, во всю створку, местами помутневшее зеркало отражало комнату. И эта неясность и мутность придавали налёт антикварной патины и благородства той, зазеркальной, комнате. У окна расположился коричневый письменный стол. Он появился на свет в семидесятые. Когда-то стол шикарно сверкал полировкой, но теперь совершенно облез. Деревянный венский стул, тоже неопределённого возраста, но аристократичный в своей старости, довершал обстановку.

Этакий временной и стилистический фьюжн проглядывал в дизайне комнаты. Этот фьюжн не всегда был удобен Алёне. Но квартирная хозяйка Клавдия Васильевна была очень милой и доброй старушкой. Её золотой характер компенсировал всё: и упирающиеся по ночам в самые болезненные места пружины дивана, и колченовость письменного стола, которая очень мешала готовиться к лекциям, и неопределённость отражения девушки в зеркале по углам.

С одной стороны, вещей у Алёны было не так много, чтобы для переезда требовался грузовик, и в то же время помощь Славика, приехавшего на своей раздолбанной «девятке», была очень и очень кстати.

«Без него точно не справиться», – в который раз за сегодняшний хлопотный день с благодарностью думала девушка.

Славик активно помогал паковать вещи во всевозможные сумки, коробки, тюки... А потом энергично и быстро загрузил всё это в машину. «Девятку» забили до отказа. Приехав в новое жилище, они, как могли быстро, перетаскали все вещи из машины. Таскал в основном Славик, но устала почему-то Алёна. Поэтому она, как только всё было закончено, попыталась побыстрее спровадить Славика восвояси:

– Слав, спасибо тебе. Поздно уже... Потом созвонимся, да?

– Ну вот, – разочарованно протянул Славик, – чуть что – так «Славочка, Славочка», а теперь даже без чая выгоняешь.

– Славик, ну почему выгоняю... Сам понимаешь – поздно, завтра к первой паре в универ...

Славик поворчал, но скорее для видимости, и довольно быстро удалился.

Он был её другом ещё со школы. Где-то класса с четвёртого. До недавнего времени они со Славиком жили в одном подъезде: Алёнина семья – на третьем этаже, а его – на пятом. Потом Алёна переехала, а Славик так и жил со своими родителями в том же доме. В старших классах они одно время вместе сидели за партой. Но Алёна влюбилась в Володю из их же класса и пересела поближе к объекту своей девичьей мечты. Дружба со Славиком на этом не прекратилась, а, казалось, стала даже крепче и доверительней.

Для Алёны Славик всегда был (и оставался до сих пор) лучшим другом, а по совместительству – жилеткой и советчиком в любовных делах. Девушка знала, что нравится Славiku. И он ей был по-своему дорог, но переводить их отношения в более близкие она не хотела или не спешила. Кто знает, насколько долго продлится любовный роман? Дружба как-то надёжнее...

Алёна кое-как распаковала часть сумок, кульков и свёртков. Она не планировала сегодня разбираться со всем своим добром, слишком устала для этого. Девушка просто пыталась найти вещи, которые ей потребуются сейчас и завтра утром: постельное бельё, зубную щётку, пижаму и что-то из одежды. Под руки попадалось всё что угодно, но не то, что требовалось в данный момент. Наконец Алёна нашла необходимое и буквально рухнула на кровать.

«А завтра ещё к первой паре...» – это была её последняя внятная мысль.

Всю ночь девушке снился какой-то странный сон. Он был яркий, запоминающийся, совершенно отличный от обычных её снов. Алёне снилось её рождение.

Вот она находится в своем тёплом и уютном доме. Ласковые волны нежно покачивают тело. Но внутри её существа постепенно нарастает ощущение тревоги.

Потом происходит что-то фатальное, и её дом перестаёт быть надёжным и безопасным. Пространство вокруг наполняется неприятной вибрацией, которая постепенно усиливается и переходит в давление. Это давление тотально. Оно идёт на неё со всех сторон. Давление переходит в боль. Начинаются сильные толчки и сжатия. Её родное и, казалось, неотделимое от неё убежище стало враждебным и чужим. Оно буквально выталкивает её из своих недр. От этого горько и страшно. Ей кажется, что её предали, обманули в сокровенном и глубинном. Она начинает с трудом продвигаться в неизвестность. Страшно. Тяжело. Больно.

Потом она чувствует определённый ритм толчков, постепенно интервалы между ними уменьшаются, а сила увеличивается. В этом ей видится смысл и замысел. Она ловит этот ритм и двигается в такт ему. Происходящее кажется ей каким-то странным танцем. Танцем смерти, когда тебя душат объятья... или танцем жизни... Она решила просто подчиниться этому странному ритму. Её манит это движение, затягивает в чёрную, вязкую воронку. Давление на виски

всё усиливается, кости черепа сдвигаются; кажется, что мозг плавится под этим давлением. Боль невыносима!..

И вдруг – яркий, ослепляющий свет, новое неведомое пространство, имеющее совершенно другие физические параметры. Оно – безгранично! Вокруг простор и пустота. Но пустота, заполненная невесомой эфирной субстанцией. Её охватывает восторг, эйфория. Этот долгий, тяжёлый путь, это умирание стоило того! Сколько света!! Она чувствует, что серебряная нить, которая связывает её с прошлой жизнью, с прошлым домом, пульсирует всё реже. Кровь перестаёт перетекать из бывшего дома в центр её жизни. И где-то рядом, но уже в стороне, остаётся носитель того животворящего тепла, которое сопровождало её прошлую жизнь. Кто-то белый, почти светящийся в своей белизне, ловко перерезал серебряный шнур, соединяющий её тело с тем любящим теплом. Опять больно, но уже не так всепоглощающе...

Что-то внутри подсказывает ей, что нужно сделать глоток этой невесомой эфирной субстанции. Но ей пока страшно. Это совершенно другая, незнакомая среда. В той своей, уже прошлой, жизни она привыкла покачиваться в тёплых мирных волнах уютного замкнутого мира, а теперь... тут прохладно... но безгранично... и так светло. Свет. Сколько света!

Неожиданно она получает увесистый шлепок по попе... Она заходится в крике-плаче. Но сначала она делает вдох, и поток окружающего эфира с силой наполняет её свёрнутые лёгкие, они, как крылья бабочки, расправляются. Эфир – сладкий, прохладный, освежающий. Чудесный! С первым вздохом что-то иное включается в её теле... Начинается новый отсчёт. Новая жизнь.

И она плачет. Плачет по прошлой жизни, плачет от страха и обиды, от усталости... и от восторга тоже. Сложная гамма чувств сейчас разрывает её существо, и она вкладывает всё своё переживание в громкий крик.

Звонок будильника обрушился на сознание девушки и совпал с плачем-криком во сне. Алёна открыла глаза и почувствовала слёзы на щеках.

«Странный сон», – подумала девушка.

Она лежала в постели и приходила в себя. Ощущения были непривычными. Это была она и не она. Алёне казалось, что за одну эту ночь она сильно изменилась. Она ощущала себя... первозданной, что ли. Чувства удивляли своей свежестью и новизной. Запахи имели непривычную силу и обладали сложной гаммой оттенков, краски поражали небывалой яркостью и интенсивностью, звуки несли в себе чудесную тайну. Весь мир повернулся к Алёне своей волшебной, загадочной стороной. Да и в теле была такая лёгкость, словно девушка накануне хорошо, со вкусом, попарилась в бане. И на душе такая же лёгкость, чистота, незамутнённость.

Алёна с удовольствием потянулась и рывком сбросила с себя одеяло. Энергично и радостно девушка принялась за свой обычный утренний ритуал: душ, кофе, одежда. Алёна быстро собралась, но её не покидало ощущение, что она то ли забыла о чём-то, то ли чего-то не сделала. Но времени на раздумья не было, и девушка поспешила в университет.

Она училась на четвёртом курсе филологического факультета МГУ, собиралась стать журналисткой. Опаздывать не хотелось. Сегодня читал САМ – профессор Лев Николаевич Матвеев. Он будет Алёниным научным руководителем, а это считалось большим везением. Но везение было заслуженно, так как Алёна числилась одной из лучших на курсе. Профессор её привечал и отличал. К тому же к сегодняшнему дню девушка готовила доклад на тему «Актуальные проблемы современной журналистики».

Алёна вбежала в аудиторию буквально за минуту до Льва Николаевича. Лучшая университетская подруга Светка уже сидела на их любимом месте. Алёна ураганом подлетела к парте, поздоровалась со Светкой и стала быстро готовиться к лекции – раскладывать всё необходимое: тетрадь, доклад, ручки. Выключила мобильный телефон. Подруга как-то странно на неё посмотрела, зыркнула, можно сказать, а не посмотрела, но Алёне некогда было задумываться над этим: она хотела ещё раз пробежать глазами свой доклад перед выступлением.

Лев вальяжно вплыл в аудиторию. Красивым, глубоким, хорошо поставленным голосом профессор поздоровался со студентами. Прошёлся по поводу совершенно невыносимых пробок в Москве, обозначил тему лекции.

– Ну-с, коллеги, сегодня у нас по плану два доклада. Алёна должна была подготовить «Актуальные проблемы», и Кристина, если не ошибаюсь, – рассказать нам о стилистике, – произнёс Лев своим завораживающим голосом.

Алёна подняла голову от доклада и с обожанием посмотрела на профессора, но он скользнул взглядом мимо неё, остановился на Кристине, а потом вторично стал искать кого-то глазами.

– А где же наша Алёна?! – удивлённо спросил он.

– Не знаю даже, – ответила рядом сидящая Светка, – может, в пробках где-то застряла.

– Тогда послушаем Кристину, а Алёна подойдёт позже и прочтёт нам доклад.

Девушка просто онемела. Как это она застряла в пробках?! Вот же она! Сидит рядом со Светкой. Тоже мне подруга! Не один час проведён в сплетнях и душевных разговорах, не одна чашка кофе выпита в местной кафешке. И после всего этого Светка её не узнаёт?! А Лев-то тоже, хорош гусь! В упор не видит. Алёне хотелось вопить: «Эй, люди-и-и! Что с вами-и-и?! У вас групповое помешательство? Вот же я! Во-о-от!» Но всё это бурлило, и вызывало чуть ли не физическое ощущение неприятной щекотки, где-то за лобной костью. А тело как будто оцепенело. Девушка впала в какой-то ступор. Всё происходящее она видела будто бы сквозь стекло, а звуки доносились приглушённо, словно у неё разболелись уши и ей, как в детстве, наложили на них ватные компрессы.

В такой прострации Алёна просидела всю первую пару. Светка подозрительно косилась на неё, раздражённо сопела и хмыкала. Всем своим видом бывшая подруга показывала, как ей неприятно это соседство. В довершении ко всему, в конце лекции Лев с сожалением констатировал:

– Очень жаль, что Алёна так и не пришла сегодня. Надеюсь, что она почтит нас своим присутствием в следующий раз и мы всё же сможем послушать об актуальных проблемах современной журналистики. До встречи, коллеги!

В перерыве это мучение не закончилось – никто из группы не узнавал Алёну.

«Они что – сговорились?! Что я им такого сделала?!» – в отчаянии думала девушка.

Она старалась ни на кого не смотреть. На глазах закипали слёзы. Усилием воли девушка взяла себя в руки.

«Наверное, Лизка наговорила всем каких-то гадостей про меня. Вот зараза! Всё никак не может успокоиться, что на втором курсе Женька ухаживал за мной, а не за ней» – больше ничего вразумительного в Алёнину голову не приходило.

«Но Светка... как она-то могла так со мной поступить?!» – в отчаянии думала девушка.

Так и прошёл Алёнин учебный день – никто её не узнавал или не хотел узнавать. Было ужасно неприятно каждый раз переживать это состояние, когда знакомый человек смотрит на тебя и не видит, словно ты пустое место, словно ты сделала ему какую-то гадость.

Девушку обуревали противоречивые чувства. С одной стороны, ощущалась утренняя лёгкость и первозданность. Алёна походила на человека, который долго был одет в громоздкое, тяжёлое пальто. Так долго, что уже почти сросся с ним, привык к нему, стал воспринимать чуть ли не частью себя. А тут вдруг сбросил с себя это пальто и – о боже, лёгкость какая, счастье какое! С другой стороны, её не покидало ощущение потери чего-то значимого. Эта потеря создавала внутренний дискомфорт при общении с людьми. Словно в её одежде теперь не хватало неудобной, но важной детали, отсутствие которой сделало Алёнин костюм неприличным в глазах окружающих.

Чтобы прийти в себя после такого трудного учебного дня, девушка решила поехать к родителям. Без звонка, без предупреждения, просто приятным сюрпризом завалиться к ним... к себе, в свой дом, где она выросла. Алёна знала, что у мамы сегодня свободный день.

Мама работала учителем в школе, преподавала русский язык и литературу. Папа – физик, всю жизнь проработавший в закрытом «ящике». «Ящик» давно развалился, но папа по-прежнему был верен родному институту, вернее тому, что от него осталось. Зарплату ему платили смешную, но папа был настоящим подвижником и бессеребренником от науки. К тому же он был талантливым учёным, что-то там изобрёл... или открыл... какой-то эффект, кажется. За что получил крупную международную премию. Большая часть премии пошла на помощь нищим коллегам-физикам и на закупку оборудования для дальнейших исследований. Но что-то из этих денег всё же перепало и семье.

На втором курсе девушка твёрдо заявила, что решила начинать самостоятельную жизнь, а посему намерена снимать комнату и жить отдельно от родителей. Мама поплакала, но потом, переступив через себя, согласилась и даже помогала уговаривать отца, который ещё болезненнее отнёсся к такому решению дочери. Часть папиной премии очень пригодилась тогда для оплаты Алёниной комнаты.

Со временем девушка нашла скромный приработок – у неё ещё со школы был прекрасный английский. И теперь она подвизалась в небольшой фирмочке, выполняла для них переводы. В основном приходилось переводить инструкции к бесконечной бытовой технике, которая буквально завалила страну после глобального дефицита, царившего в стране не так уж и давно, особенно если смотреть на происходящее глазами иторика. Через год появились первые небольшие публикации в газете, за которые Алёна получала скромные гонорары. Иногда девушка давала уроки русского языка старшекласникам, вперемешку с уроками английского для детишек помладше. В общем, потихоньку перебивалась. Да и родители помогали чем могли.

Сейчас Алёне больше всего на свете захотелось ощутить запах родного дома. Посидеть в своей комнате, а потом попить на кухне чай с родителями. Уютно помолчать... или послушать рассказы мамы об этом ужасном Семёнове... или рассказы папы о застывшем догматизме Петра Владленовича и об интригах Вышегородского.

– Решено, еду! – негромко сказала девушка сама себе.

Чрево метро поглотило Алёну. Вагоны, покачиваясь и стуча колёсами, понесли её по пищеводу этого огромного подземного чудовища, которое выплюнуло её вместе с массой таких же людей на станции «Октябрьское поле».

Родной район встретил её лавиной запахов, звуков, красок. Всё здесь было накрепко связано с её жизнью. Всё было до боли знакомым и родным. И сейчас её обострённые чувства во всём улавливали ностальгические нотки прошлого. Даже эти трещины на асфальте показались девушке близкими друзьями. Она шагала по хоженной тысячи раз дороге от метро к своему дому. Вот магазинчик, где она в детстве покупала хлеб. Вон там, за теми домами, будет её детский садик. А вот и двор школы со стадионом. Тогда стадион казался таким большим! Как тяжело преодолевались эти круги, когда нужно было бежать длинные дистанции на время! Доли секунды играли роль. А вот турник, где они с подружками любили висеть вниз головой или забираться на самые верхние перекладины и болтать о своих важных пустяках.

Вот детская площадка около их дома. Это уже другая, новая, пластиковая, не та, что была когда-то, но находится она на старом месте. Деревянные домики, песочницу и качели с их таким нежным, родным скрипом заменили на красную горку, синие турнички и всевозможные зелёно-жёлтые лазалки. Глянцевитый яркий пластик странно смотрелся среди монохромности зимы. Как-то вульгарно-кричаще. Неживой и застывший на морозе, он громоздко и беспорядочно возвышался во дворе. К нему не хотелось даже прикасаться, не то что играть...

Да, это не дерево... Как было интересно прятаться в маленький деревянный домик в детстве... Но теперь везде господствует Его Величество Пластик...

Вот старые деревья тянут свои ветви-руки в небо, будто молятся... или декламируют что-то торжественное... Когда-то они казались загадочными великанами... Сейчас, на морозе, они источают такой пряно-терпкий аромат... Их кора пахнет весной, апрелем, талой водой и солнцем.

«Наверное, они впитали в себя летнее солнце, а теперь согреваются воспоминаниями о нём...», – подумалось Алёне.

Девушка подошла к двери теперь уже родительского подъезда. Этой весной её выкрасили в ядовито-зелёный цвет, а раньше она была коричневой. Алёна хорошо помнила ужасный запах той коричневой нитрокраски – сладковато-тошнотворный. Эта краска ещё почему-то всегда так долго сохла... Сейчас от подъездной двери тоже исходил легкий запах краски и металла.

В подъезде пахло сырым бетоном. И кошками. Это Марья Петровна с первого этажа постоянно подкармливает всех местных помоечных кошек. Алёна быстро поднялась на третий этаж. Ступени тоже были по-родственному знакомы. Вот ступенька с выеденным полукругом. В детстве Алёне казалось, что кто-то большой и голодный просто откусил кусок от ступеньки, и она так и осталась – недоеденно-надкусанной. На площадке между первым и вторым этажами давным-давно вывалилась белая мелкая плитка на полу. Дырку заделали цементом. Получился такой серый домик без крыши, но с большим ступенчатым крыльцом. Всё было на месте: и недоеденная ступенька, и цементный домик.

Вот наконец и её этаж. Алёна позвонила в родную дверь. Каждая жилочка на бордово-красном кожзаме двери, каждая шляпка обивочного гвоздя были так знакомы!

Из-за двери слышатся мамины шаги. Сердце Алёны радостно бьётся.

– Кто там? – спрашивает родной голос.

– Это я, мама, открой!

Знакомо клацает замок, и мама открывает дверь. Алёна радостно улыбается, готовая кинуться маме на шею.

– Вы к кому?! – холодно-удивлённый голос мамы вводит Алёну в оцепенение.

– Кто вам нужен, девушка? Вы, наверное, ошиблись адресом, – мама строго смотрит на дочь и... совершенно не узнаёт её.

Ноги Алёны становятся ватными, картинка перед глазами начинает плыть.

– Из... извини... те, – через силу выдавливает она из себя.

– Всего доброго, – так же холодно-вежливо отвечает мама и закрывает дверь.

Алёна, не помня себя, медленно спускается по лестнице во двор. Садится на скамейку перед домом и чувствует абсолютное опустошение внутри. Ни мыслей, ни эмоций...

Сколько девушка так просидела, трудно сказать. Из ступора её вывел голос Славика:

– Алён, ты, что ли? Ты чего тут на морозе сидишь?

Он наклонился и посмотрел ей в лицо.

– Что у тебя случилось? – встревожено спросил Славик.

Алёна потрясённо молчала. Славик был первый, кто узнал её сегодня!

– Привет, – с трудом произнесла она заледеневшими губами.

Тут зазвонил Алёнин мобильный телефон. Замёрзшими, негнушимися пальцами девушка стала судорожно искать телефон в сумочке. Под руку попадалось всё, что угодно, но не искомая вещь: старые чеки, дисконтные карточки, пара ручек (обе почему-то сломанные), пудреница и упаковка влажных салфеток... В общем, всё как всегда. Наконец девушка с трудом нашла телефон в недрах сумки. И поспешно ответила:

– Да?

– Леночка? Здравствуй, это Клавдия Васильевна, твоя бывшая квартирная хозяйка.

– Здравствуйте, Клавдия Васильевна.

– Я сегодня убирала твою комнату. Ты, Леночка, чемодан свой оставила.

– Какой чемодан?

– Небольшой такой, коричневый. Ты когда сможешь за ним приехать?

– Я... я не знаю... – Алёна беспомощно посмотрела на Славика.

Клавдия Васильевна говорила довольно громко, поэтому Славик всё прекрасно слышал.

– Сейчас и поедем, где-то через час... ну, плюс-минус, – шёпотом сказал он Алёне.

– Я буду где-то через час. Вам это удобно? – спросила девушка.

– Да. Жду тебя, Леночка, – сказала Клавдия Васильевна.

Славик завёл свою «девятку». И повёз Алёну в её бывшее жилище, откуда они уехали только вчера. Но Алёне казалось, что это было целую вечность назад – такой эмоционально насыщенный день она пережила сегодня. Вчера, когда они собирались и уезжали, Клавдия Васильевна не было дома – дочь срочно вызвала её на подмогу, нужно было посидеть с внуками. Клавдия Васильевна наказала Алёне оставить свой комплект ключей у соседей, а сама поехала к дочери. Алёна так и поступила.

Всю дорогу они ехали молча. Славик только изредка тревожно поглядывал на Алёну. После всех пережитых тревожных волнений девушке совершенно не хотелось разговаривать. Мысленно она в сотый раз прокручивала сегодняшний день в голове, пытаясь найти ответы на мучившие её вопросы. Что это? Какая-то злая шутка? Они все сговорились? Или с ней случилось что-то непоправимое? Алёна могла допустить, что её не узнали сокурсники, преподаватели и лучшая подруга, но то, что её не узнала родная мать, никак не укладывалось в сознании девушки. Ещё этот странный сон... Может быть, в нём всё дело?.. Неужели она так сильно изменилась за ночь? И почему тогда её узнал Славик? Теперь этот чемодан. У неё нет никакого такого чемодана. Но и Клавдия Васильевна не будет зря говорить.

«Возможно, я о чём-то забыла...» – эта мысль уже не в первый раз за день посещала Алёну.

«Что или кого я забыла?.. или потеряла?.. и почему мне так легко от потери... Что со мной происходит целый день?!» – думала девушка.

Они добрались до Клавдии Васильевны довольно быстро. Позвонили в дверь.

– Кто там? – спросила бывшая квартирная хозяйка.

– Это мы со Славиком, – ответила Алёна.

Загремела цепочка, залязгал язычком замок, дверь открылась.

– А я только сегодня вернулась от дочки. Зашла посмотреть, прибрать твою комнату, а он там стоит. И как это ты его забыла?! Ведь прямо посреди комнаты оставила, – тараторила старушка.

Клавдия Васильевна была подслеповата и глуховата, возможно, поэтому она не усомнилась в том, что перед ней Алёна.

Все вместе они подошли к двери бывшей Алёниной комнаты, старушка открыла её. Девушка сделала шаг и замерла в дверном проёме.

Посреди комнаты стоял небольшой чемодан. Он был допотопный, кожаный, потёртый и твёрдый. Алёна припомнила, что видела такой чемодан у них на даче, где-то на чердаке. Тот чемодан с чердака принадлежал когда-то её дедушке или даже прадедушке. Внутри того, на крышке, были наклеены старые выцветшие открытки и фотографии давно ушедших и теперь уже никому не известных людей. От них остались только эти изображения, которые пахли прошлым и грустью. В самом чемодане хранились старые пластинки, которые и проигрывать-то уже было не на чем. На пластинках, наверное, пелось про валенки и про то, что отцвели уж давно хризантемы в саду.

Этот чемодан был точной копией того, с чердака.

– Я пойду, поставлю чай, – засуетилась старушка.

Девушка неотрывно смотрела на чемодан. Она одновременно узнавала и не узнавала его. Сердце забилось быстро-быстро, готовое выскочить из груди. Дыхание перехватило. Алёна медленно и неуверенно двинулась к чемодану. Славик вошёл в комнату вслед за ней и невозмутимо сел на диван. Алёна же, словно продираясь через вязкую среду, шла к чемодану. Каждый шаг ей давался с трудом. Как в кошмарном сне, когда нужно бежать, потому что враги вот-вот настигнут, но тело не слушается тебя... потом титаническими усилиями ты преодолеваешь оцепенение и еле-еле переставляешь свинцовые ноги, чтобы убежать... Вот так и она продвигалась к этому странному чемодану. Он манил и отталкивал девушку. В нём было что-то родное и чужое, она хотела и не хотела открывать его.

Алёна, как ей показалось, бесконечно долго преодолевала два метра, которые отделяли её от чемодана. Время изменило свои свойства, и секунда для девушки теперь казалась вечностью.

Вот Алёна наконец-то подходит к чемодану. Чувства обострены до невозможности. Она ощущает терпкий запах, который исходит от чемодана. Этот запах такой знакомый... так пахло в детстве. Предметы видятся отчетливо и ясно, как никогда. Чемодан окутан лёгким, размытым зеленовато-жёлтым свечением. В то же время девушка видит каждую чёрточку, извилинку, потёртость на обивке. Она медленно тянет к нему руку и касается его прохладных металлических, слегка погнутых замков. Дрожащей рукой девушка пытается их открыть. Левый замок заедает, и Алёне приходится с усилием нажимать на него. Верхние половинки замков откидываются и глухо бьют по твёрдому телу чемодана.

Чемодан распадается на две части, и из него карнавальными грудой вываливаются яркие маски. У девушки снова перехватывает дыхание. Алёна начинает перебирать маски, узнавая каждую. Вот белая маска, отделанная лебяжьим пухом, пахнущая молоком и сливочными помадками, от неё исходит ощущение надёжности, тепла и любви – это маска послушной дочери. Вот алая маска с острыми шпильками, иголками, яркой мишурой слов, пахнущая крепким кофе, сигаретами и почему-то пластмассой, она слегка покалывает пальцы, словно через неё проходят слабые разряды тока, – это маска будущего журналиста. Вот маска с нашитыми пёстрыми кусками ткани вперемешку с обрезками кружев, пайетками и стразами. Маска пахнет большим парфюмерным магазином и пончиками – это маска лучшей подруги. Вот маска, увитая гирляндами из тетрадей, ручек, учебников, пахнущая бумагой, чернилами и книжной пылью. Она даже издаёт лёгкий шелест бумаги, словно кто-то задумчиво листает страницы книги, – это маска успешного студента. Были там уже отслужившие своё маски, например, маска школьницы. Она как-то потрепалась и выцвела, казалась замызганной и серой. Маска школьницы ничем уже не пахла и не издавала никаких звуков. Она выглядела старой, ненужной, безжизненной.

В чемодане лежало ещё много масок. Они были разнообразны: от маски жителя Москвы до маски покупателя в магазине. Они лежали в обеих половинках чемодана, одни казались живыми и переливались ультрамариновым спектром, а другие превратились в серое старое потрескавшееся папье-маше.

Голос Славика заставил девушку вздрогнуть, она совершенно забыла о его существовании.

– А что это у тебя за пустой чемодан? – удивлённо спросил Славик. – И откуда он взялся?! Я вроде бы всё вчера проверил, мне кажется, что в комнате его не было.

Алёна медленно закрыла чемодан и посмотрела на Славика.

– Отвези меня домой, – тихо и устало попросила она.

– Мы пойдём, Клавдия Васильевна! – крикнул Славик.

– А как же?! А чай? – засуетилась прибежавшая из кухни старушка.

– Спасибо, Клавдия Васильевна, мы поедем, поздно уже, – ответил Славик.

– Ладно, в следующий раз. Счастливо! Звоните, если что, – сказала старушка, провожая молодых людей.

– Спасибо вам, счастливо, – попрощались они с ней.

Славик положил чемодан в багажник. И они поехали в новое Алёнино жилище.

В машине девушка устало закрыла глаза и провела всю дорогу в полудрёме. Около одиннадцати они были на месте. Славик помог донести чемодан до входной двери и засобирился домой. Алёна открыла дверь и повернулась к Славику. Она взяла его за руку и посмотрела ему в глаза.

– Останься, – тихо прошептала она.

Утром Алёна проснулась сама, до звонка будильника. Солнце заливало комнату. День обещал быть морозным и ясным. Славик спал рядом. Алёнина душа трепетала от любви и нежности к нему. За эту ночь открылись какие-то шлюзы в её душе и выпустили из подсознания или откуда-то ещё все те чувства к Славику, которые она скрывала сама от себя. Такого она ещё ни к кому не испытывала. Чувство вчерашней лёгкости за эту чудесную ночь вернулось к девушке, но к лёгкости добавилась приятная тёплая вибрация где-то в области сердца. «Если бы чувства имели запах, то мои источали бы аромат ночных фиалок, перемешанный с лазоревостью незабудок и запахом солнца... что-то в этом роде...», – романтично-витиевато подумала Алёна.

Взгляд девушки заскользил по комнате. На полу в беспорядке валялась их одежда, по углам лежали кульки и свёртки... а посередине... посередине комнаты стоял он – чемодан. Алёна ещё минут десять полежала, наслаждаясь лёгкостью и чистотой внутри. Взглянула на часы. Через пятнадцать минут зазвонит будильник. Начнётся новый день. Она поедет на метро. Пойдёт в университет на лекции. Вечером, наверное, съездит к родителям. Жизнь должна войти в свою колею. Алёна вздохнула. Выскользнула из кровати, где безмятежно спал теперь такой родной Славик. И подошла к чемодану.

Помедлила, прощаясь с первозданностью внутри своего естества. Потом решительно открыла чемодан (левый замок опять заело) и стала надевать на себя мерцающие, словно живые, маски.

(Москва, зима 2009 г.)

Маленькая дверца сказка для взрослых

1

Бронированный BMW Павла Андреевича с трудом маневрировал, пробираясь сквозь узкие дворы, застроенные пятиэтажными хрущёвками. Дома таращились пустыми глазницами окон. Этот маленький московский микрорайончик был готов к сносу. Все жильцы давно разъехались по новым квартирам. И теперь пятиэтажки выглядели заброшенно и зловеще. Осенний слякотный дождь моросил и моросил.

Охрана недоумевала: зачем шеф приехал в это место? Что могло ему понадобиться здесь? Тут не было ни модных ресторанов, ни офисов – никаких объектов, входивших в обычный график Павла Андреевича.

– Останови здесь, Семён, – сказал он, указывая водителю на один из домов.

Бронированная машина тяжело затормозила.

Охранник Володя – новенький – лихо выпрыгнул в осеннюю московскую грязь и открыл шефу дверь автомобиля. Тяжёлая неуклюжая толстая дверь легко подалась под тренированной рукой.

– Ждите меня здесь, – отрывисто сказал Павел Андреевич. Его тон не допускал возражений, и охранник с сожалением понял, что придётся отпустить шефа одного.

Володя открыл дверь подъезда перед Павлом Андреевичем, предварительно заглянув внутрь. Дальше он идти не посмел, остановился под холодным и строгим взглядом хозяина. Павел Андреевич вошёл в пахнущее заброшенным жильём нутро дома. Володя остался стоять у подъездной двери, слегка расставив ноги, заложив руки за спину. Он зорко следил за обстановкой вне дома и чутко прислушивался к звукам в подъезде. Володя был недоволен неосмотрительным поведением шефа, но ничего не мог поделать.

Тем временем Павел Андреевич поднимался на пятый этаж. В доме никогда не было лифта. На ступенях валялся всякий хлам: обрывки газет, полиэтиленовые пакеты, обломки какой-то мебели. Двери в квартиры были открыты. Через них виднелись неряшливые прихожие с лохмотьями обоев на стенах, пустыми проводами, свисающими с потолков. В одной из квартир на четвёртом этаже валялась забытая или специально оставленная за ненадобностью потрёпанная кукла. Наконец Павел Андреевич добрался до пятого этажа и остановился перед дверью квартиры, на которой роскошно и неуместно посреди разрухи готового к сносу дома красовалась латунная табличка с чёрными витиеватыми цифрами: 17. Эта дверь тоже была приоткрыта. Павел Андреевич помедлил, а потом решительно вошёл внутрь.

Пятилетний Павлик увлечённо возил новый красный грузовичок по полу. Эту машинку вчера ему купила бабушка. Павлик давно хотел такой грузовичок, и бабушка почему-то раздобылась и сама повела его в магазин игрушек, чтобы Павлик выбрал себе автомобиль по вкусу.

Павлик был среднестатистическим московским мальчиком. Как и большинство детей, он ходил в детский садик, расположенный по соседству. У него были мама и папа, бабушки и дедушки. Он очень хотел маленького братика или, на крайний случай, сестричку. Но мама сказала, что ей хватает забот с двумя детьми – Павликовым папой и самим Павликом, поэтому ни о какой маленькой сестричке, а тем более братике, в обозримом будущем и речи быть не может. Павлик вместе со своими мамой и папой жил в обычной московской хрущёвке на пятом этаже.

Наступил субботний день, поэтому не надо было идти в садик, а можно было всласть наиграться новой игрушкой. Павлик ползал по полу и усиленно тарыхтел, изображая шум работающего мотора.

Вдруг он увидел маленькую, почти незаметную дверцу у самого пола. Она находилась между шкафом и его кроватью. Дверца была приоткрыта – поэтому, наверное, она и стала видна. Павлик и раньше возился с игрушками где-то в районе шкафа, но никогда не видел этой загадочной маленькой дверцы. Затаив дыхание, Павлик подполз к ней и осторожно открыл. Внутри был какой-то глубокий ход. Он слабо освещался маленькой, но совершенно настоящей лампой под потолком.

В следующую секунду Павлик увидел около себя маленького испуганного человечка. Ростом он был чуть больше солдатика, целый взвод таких лежал у мальчика в яркой жестяной коробке из-под печенья. Там у Павлика располагался военный штаб. Но человечек был совсем не похож на солдатика. Он был живой! Такой же, как Павлик, только маленький. На нём была зелёная курточка и коричневые сапожки, а на голове маленькая чёрная шляпа с миниатюрным ярким пёрышком какой-то невиданной птицы. Человечек замер и не мог двинуться с места. Видимо, он был сильно напуган.

Павлик первым пришёл в себя. Может быть, потому, что он всегда верил в сказочных существ. Только на прошлой неделе Павлик подрался с Олегом из старшей группы, который утверждал, что Деда Мороза не существует. Олег был выше и сильнее, и Павлику порядком досталось: сначала от Олега, потом от воспитателей, а потом уже от Павликовой мамы. Только папа не стал его ругать, когда узнал причину драки.

И вот сейчас перед Павликом стояло настоящее сказочное существо.

«Это, наверное, гномик или эльф. А может быть, и домовой, – думал Павлик. – Нет, эльфом он быть не может, из цветов у нас два никогда не цветущих кактуса и какое-то чахлое растение с тремя пониклыми листьями. И оно тоже, наверное, из рода никогда не цветущих. А эльфы ведь живут в цветах. А может быть, это Мальчик-с-пальчик? Вчера мама читала мне про него сказку».

– Ты кто? – спросил Павлик маленького человечка.

Тот в ответ только судорожно сплотнул и стал ещё бледнее и испуганнее.

– Меня зовут Павлик. Мне пять лет. Я хожу в детский сад в среднюю группу. А как тебя зовут?

Человечек заморгал, но по-прежнему ничего не отвечал.

– Не бойся меня. Я тебя не обижу. Я всегда верил, что сказочные существа есть. Ты ведь самый-самый настоящий сказочный человечек. Тебя зовут Мальчик-с-пальчик?

– Меня зовут Олф, – ответил наконец человечек.

– Так ты гномик?!

– Нет. Гномы наша дальняя родня. Они живут в горах. А мы – городские жители.

– Значит, ты и не домовой?

– Нет. Хотя я хорошо знаком с вашим домовым. Он живёт на кухне, за холодильником. Днём он спит, а ночью хозяйствует по дому.

Речь человечка становилась всё увереннее. Видно было, что его замешательство и страх постепенно уходили.

– Павлик, я знаю, что ты хороший мальчик. Я даже знаю, что ты подрался с Олегом, который старше тебя и сильнее. Ты заступался за сказочных жителей. Поэтому я верю, что ты не подведёшь меня.

– Конечно, не подведу! – вскричал Павлик.

– Тогда ты должен хранить наше существование в секрете. И никому не показывать эту дверцу.

– Я никому ничего не скажу и не покажу. Только маме и другу Мишке.

– Нет, Павлик, никому – значит никому. То есть ни одному человеку, – веско проговорил Олф.

– Жаль, – вздохнул Павлик, – но раз так надо, то я никому-никому не расскажу про вас и про дверцу.

– Про нас написано в книгах, но только редкие люди точно знают, что мы есть, и ещё меньшее количество людей видели нас своими глазами. Теперь ты один из них. Такими были Шарль Перро, братья Гримм, Ганс Христиан Андерсен... Когда-нибудь ты вырастешь и, возможно, тоже станешь великим сказочником. Но пока ты должен молчать и никому ничего не говорить.

– Вообще-то я собираюсь стать пожарным, – насупившись, сказал Павлик.

– Тоже хорошая профессия, но одно не мешает другому, – ответил Олф. – Ну ладно, мне пора. Мы с тобой ещё увидимся, Павлик. Помни о своем обещании!

Олф вошёл в маленькую дверцу и закрыл её за собой. Дверца двигалась с тихим, нежным звоном. Так позванивали штофы и бокалы у бабушки в буфете, когда Павлик бегал по комнате, бывая у неё в гостях. Мальчику нравился этот мелодичный звук, поэтому иногда он специально посильнее топал, чтобы звон был погромче. Тогда терпение бабушки лопалось, и она строго говорила: «Павел, внизу живёт сосед-пенсионер, ты топаешь прямо по его голове!» Павлик с сожалением прекращал бегать.

А ещё так тонко и загадочно потренькивала красивая резная шкатулка на трюмо тёти Светы. Но звук закрывающейся маленькой дверцы был гораздо нежнее и мелодичнее.

После того как за человечком плотно закрылась дверь, на стене не осталось никакого намёка на то, что когда-то она здесь была. Неудивительно, что Павлик никогда раньше её не видел. Хотя она здесь была всегда и есть сейчас – между шкафом и его кроватью. Маленькая дверца в волшебную страну!

Прошла московская слякотная осень, и наступила снежная зима. Павлик почти забыл про маленького человечка. Первое время он подолгу сидел между шкафом и своей кроватью, напротив места, где случайно увидел маленькую дверь. Но ничего не происходило. Стена оставалась ровной, словно там никогда и не было никакой маленькой дверцы. Постепенно другие заботы и дела вытеснили из сознания маленького Павлика воспоминания о сказочном человечке и волшебной стране.

Дело шло к Новому году. В садике уже разучивали новогодние песенки и репетировали спектакль к утреннику. Павлику досталась роль зайчика. Он не очень хотел играть эту роль. Ему совсем не нравился костюм. Какой-то дурацкий куцый хвост и эти уши... И слов – всего ничего. Ему гораздо больше по душе была роль принца, но её отдали Олегу, давнишнему сопернику Павлика. Что поделаешь, зайчик так зайчик. Вон другу Мишке вообще никакой роли в спектакле не досталось, только коротенький стишок про снег и общая песенка в конце представления.

Его размышления прервал какой-то шум. Кошка Муська, мирно дремавшая на кресле, вдруг с яростным мявком бросилась куда-то в угол. Хвост трубой, спина дугой, шерсть на загривке топорщится. Павлик очень удивился такому необычному поведению мирной Муськи. Он пошёл посмотреть, что же там такое стряслось.

Увиденное одновременно напугало и обрадовало Павлика. Муська когтистой лапой пыталась схватить того маленького человечка – Олфа, – а он отважно пытался отбить нападение кошки маленькой сабелькой.

– Муська, перестань! – сказал Павлик и дал тапкой кошке по лапе, не больно, но чтобы поняла.

Пока растерянная Муська соображала, Павлик быстро, но осторожно взял Олфа в руки и понёс в свою комнату. Мальчик плотно закрыл за собой дверь, чтобы кошка не ворвалась к ним. И поставил человечка перед тем местом, где должна была быть дверь.

– Я очень благодарен тебе! – сказал Олф.

– Где ты так долго пропадал? Я каждый день ждал, что ты придёшь, а ты всё не шёл и не шёл...

– Я не мог так сразу подружиться с тобой. Существование входа в нашу страну должно находиться в строжайшем секрете. Иначе стране грозит гибель. Но ты прошёл испытание. Ты никому ничего не рассказал, поэтому теперь мы будем видеться чаще.

– Здорово! Я так рад!

– Ух, как я сегодня испугался! Если бы не ты, то она бы меня точно съела. Какое страшное чудовище!

– Это Муся. Наша кошка. Она вовсе не страшная. Наверное, она приняла тебя за мышку.

– Да уж! И меня могла постигнуть такая же участь. Ну, а теперь я должен идти. Но я не прощаюсь с тобой надолго. До встречи, Павлик!

– До встречи, Олф!

Предновогодние дни пролетели во всевозможных заботах, и Павлику некогда было просиживать перед местом, где находилась маленькая дверца. Столько дел нужно было переделать: разобрать свои игрушки, нарядить ёлку, вырезать двадцать снежинок и склеить бумажную цепь для украшения детского садика. Выучить песенку и слова своей роли.

И вот наконец наступили долгожданные праздники. Прошёл утренник в детском саду. Павлик выступил блестяще. Громко и четко продекламировал все слова зайчика. Вместе со всеми спел новогоднюю песню. И Дед Мороз похвалил его за стишок, который Павлик ему рассказал. Ещё Павлик ездил на ёлку в Лужники. Огромный круглый стадион был залит белым звонким льдом. Пираты хотели украсть Новый год, но храбрые мальчик и девочка с помощью лесных зверей разрушили их коварные планы. А звери-то были настоящими! Бурый медведь катался на коньках, зайчики били в большие барабаны с жёлто-красными полосами на боках. Снегурочка и Дед Мороз тоже очень красиво катались на коньках. Павлика так захватило яркое представление! Потом три дня только и было разговоров про пиратов да про медведя. В общем, впечатлений хоть отбавляй.

В новогодний вечер родители разрешили Павлику посидеть с ними за столом до одиннадцати часов, а потом отправили спать. Павлик долго ворочался и всё не мог заснуть. Ему очень хотелось увидеть появление Деда Мороза, который должен был принести ему подарок под ёлку. Павлика совершенно не смущало, что ему всё время встречаются разные Деда Морозы: в Лужниках, в садике, по телевизору – они все только отдалённо напоминали друг друга. Павлик понимал, что иногда роль Деда Мороза на себя берут люди, а к нему в дом придёт этой ночью настоящий. Именно настоящий Дед Мороз кладёт подарок под ёлку детям. Иначе откуда же подарок там взяться?!

Павлик услышал шорох. Где-то за изголовьем кровати. Мальчик приподнялся и посмотрел за спинку. Тоненькая полуовальная полоска света прорезалась в стене у самого пола. Павлик затаил дыхание. Он понял, что его друг Олф наконец-то пришёл за ним и сейчас начнутся чудеса.

– Ты чего разлёгся в такой вечер? – спросил Олф. – Почему до сих пор не готов?

– А мне мама сказала... – виновато стал оправдываться Павлик.

– Тогда ладно. Быстро одеваться умеешь?

– Да, могу, когда надо.

– Сейчас именно тот случай – надо. Давай быстрее!

Павлик мгновенно натянул на себя одежду. И выжидательно посмотрел на Олфа.

– Готовься к чудесам! – сказал Олф.

Он взмахнул маленьким жезлом, который переливался звёздным светом. Павлик почувствовал, что с ним начинают происходить странные вещи. Ему стало казаться, что его тело усыхает и уменьшается. Собственно, так оно и было. Комната тоже стала меняться в разме-

рах – потолок стремительно полетел вверх, а пол стал приближаться. Одновременно рисунок ковра, на котором стоял Павлик, начал искажаться, увеличиваться до невообразимых размеров. И вот Павлик почти одного роста с Олфом, только чуть пониже. Теперь можно было получше разглядеть лицо маленького человечка. На вид ему было приблизительно столько лет, сколько дяде Славе, маминому родному брату, который учился на первом курсе института. Дядя Слава довольно мало обращал внимания на племянника, никогда не играл с ним. Только редко, с неохотой читал ему книжку, и то после долгого Павликового нытья. Но Олф проявлял к Павлику искренний интерес и симпатию.

У маленького человечка были белокурые волосы и красивые васильковые глаза, которые поблёскивали озорными огоньками. Лицо Олфа выглядело добрым и весёлым.

– Пошли, – сказал Олф слегка испуганному Павлику и взял его за руку.

Они вошли в полутёмный ход, который казался таинственной пещерой. С тихим хрустальным звоном за ними закрылась маленькая дверца. Над потолком горели старинные лампы, откуда-то из недр хода доносился знакомый вкусный запах. Так пахло на кухне, когда мама пекла по субботам пироги. Это был запах корицы, ванили и сдобы. К нему примешивалась ещё сложная гамма запахов, но маленький Павлик не знал этих необыкновенных сказочных названий. Да и знал ли их кто-нибудь из людей?..

Звуки тоже были таинственными – что-то капало нежной весенней капелью, что-то шелестело летней пышной листвой, одновременно слышались завывания осеннего ветра, кто-то тоненько смеялся и шептался. Но звуки были совсем не страшными, и Павлик успокоился. Сказочная страна начиналась прямо тут – у порога этой маленькой двери. Она встречала загадочным полумраком, уютными, вкусными запахами, будоражащими звуками и шорохами.

Павлик и Олф быстрым шагом продвигались по полутёмному ходу. Сердце мальчика билось быстро-быстро в предвкушении чуда и праздника. Так с ним уже бывало, когда утром первого января он открывал подарок от Деда Мороза, или когда осенью они с папой и мамой ходили в цирк, и маленький Павлик с таким же трепетом входил в зал, где была большая круглая арена. Тогда, как и теперь, он был в ожидании чуда.

Их путешествие по полутёмному ходу довольно быстро закончилось, они остановились перед изумрудным занавесом. Он сверкал и переливался яркими струями, как новогодний дождик на ёлке. Олф раздвинул занавес руками, и перед Павликом предстала волшебная страна. Она ослепила и оглушила его обилием ярких цветов, сложной гаммой незнакомых запахов и звуков, которые только угадывались прежде.

На сказочно голубом небе светило яркое солнце. Вокруг лежал голубовато-белый сверкающий снег, но было совсем не холодно. Павлик был одет по-домашнему – в рубашку и брючки, но ему было тепло, словно вокруг и не было этих снегов и льдов. В снегу цвели яркие цветы, щебетали птицы, огромные бабочки летали над цветами. Потом Павлик пригляделся внимательнее и увидел, что и птицы и бабочки имеют человеческие лица. Одна особенно яркая и кокетливая бабочка подлетела поближе, чтобы рассмотреть Павлика.

– Ой, какой маленький! Ой, какой миленький, – со смехом сказала бабочка и махнула своими пёстрыми крылышками.

Пушистая и блестящая пыльца с бабочкиного крыла упала на рубашку Павлика, и он с удивлением почувствовал, что его тянет вверх. Ноги мальчика оторвались от земли, и он повис в воздухе.

– Не приставай, Мелла! – строго сказал Олф бабочке и дёрнул Павлика за руку. Мальчик снова опустился на землю.

Олф стряхнул пыльцу с плеч мальчика.

– Мы опаздываем, Павлик. Не отвлекайся! – обыденным голосом напомнил он.

– А куда мы опаздываем?

– Потом увидишь, надо торопиться.

Они шли по улицам волшебного города. Маленькие домики, казалось, были сделаны из леденцов, шоколада и пряников. Приглядевшись, Павлик понял, что на улицах рассыпан не снег, а сахарная пудра. Он даже успел провести рукой по лиловому цветку, мимо которого они проходили и на котором лежал белый сугроб, а потом лизнуть палец. Ну, так и есть!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.